

Колумбарий русской утопии

В Музее архитектуры им. Щусева (Воздвиженка, 5) проходит выставка Юрия Аввакумова

Сегодня, - 1997, -
- 27 июня, - с. 2

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

ИНСТАЛЛЯЦИЯ «Русская утопия: депозитарий» впервые была показана на Венецианской биеннале в 1996 году. Ее автор — архитектор Юрий Аввакумов, дизайнер, один из участников движения «бумажных архитекторов». В 1980-е отечественные зодчие не имели возможности строить, зато преуспели в прожектёрстве. Их полуфантастические-полуиронические опусы (рисунки, офорты, миниатюрные архитектурные модели и проч.) завоевывали множество призов на международных конкурсах. Большая выставка «бумажной архитектуры» объездила полмира и в конце концов была куплена банком «Столичный». Главным менеджером проекта, его ор-

ганизатором как раз и выступал Юрий Аввакумов.

Когда «бумажную архитектуру» выжали, как мокрую кошку и получить от нее — в смысле грантов и заявок на выставки — больше стало нечего, идею утопических проектов продолжили и углубили. Юрий Аввакумов и его помощники собрали более 500 нереализованных архитектурных идей XVIII-XIX веков, которые представляют грезы человека об идеальном архитектурном сооружении — городе, дворце, жилище. Рядовые граждане, студенты, профессиональные архитекторы, поэты и художники — о светлом будущем мечтали все кому не лень. Огромный материал был систематизирован: каждый листок получил свой порядковый номер и отдельный ящик в депозитарии.

Шестнадцать таких ящиков цвета Черного моря и экспонируются сейчас в Музее архитектуры.

Выставка производит странное впечатление. Обозреть ее можно одним махом — комоды вдоль стен. Шкафы, набитые мечтами, кладбище нереализованных надежд, тщетный итог творческих усилий стольких людей навоят порой на печальные размышления — а собственно, зачем стараться, что-то придумывать, планировать, изобретать?!

Более подробно с содержимым ящиков можно познакомиться в виртуальной версии выставки — у нее в «Интернете» есть свой электронный адрес.

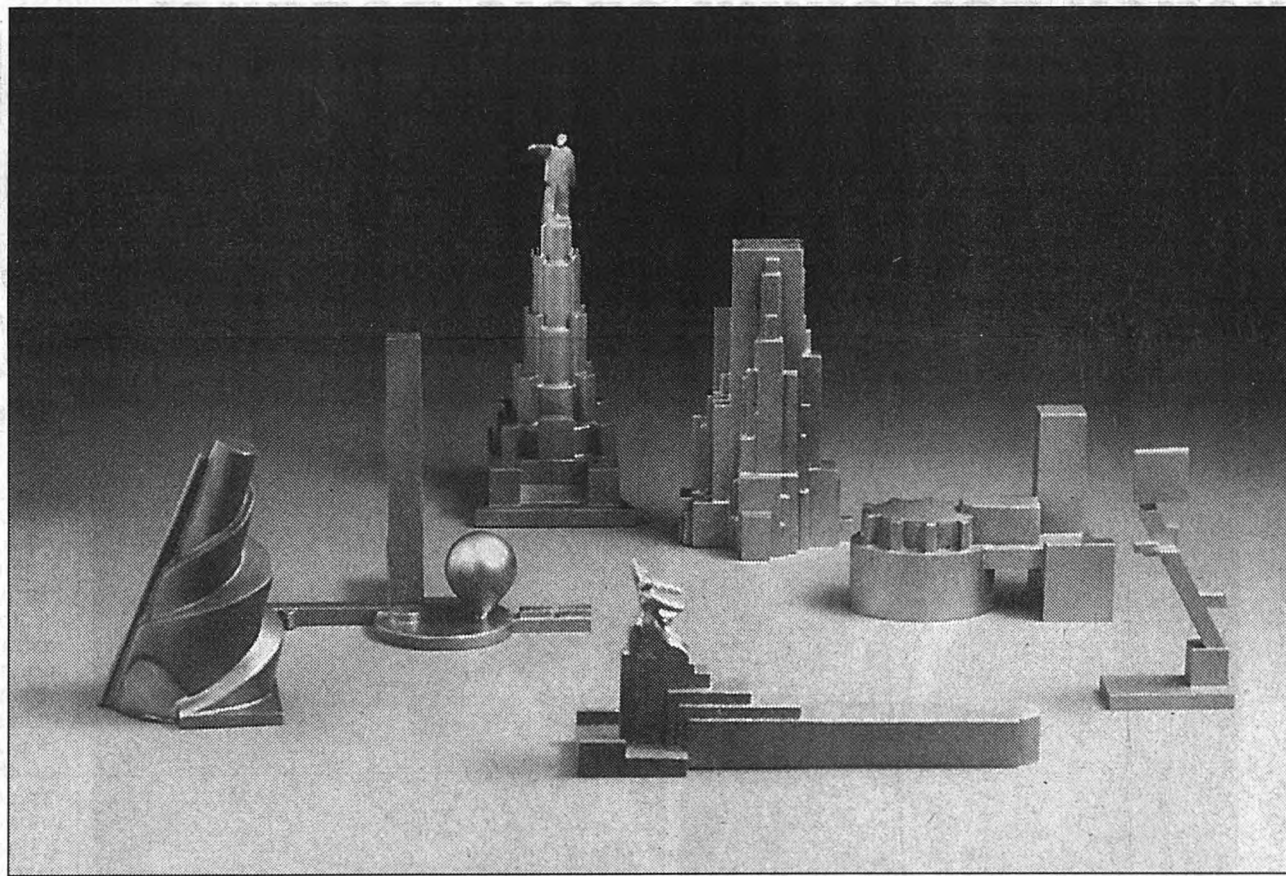
Рассматривая на дисплее компьютера объемные модели Дворцов

труда и идеальных городов, испытываешь некоторую гордость за то, что человечество все-таки выстояло. Мир собственного дома, семьи, свой огород оказались куда крепче настоячивых призывов революционеров от архитектуры жить скопом, сообща, под одной большой крышей — пользоваться одними столовыми, мыться в одной бане, спать в большой коллективной спальне. Сколько ни прекрасны архитектурные увражи Гонзаго или Фомина, их очарование начинается и завершается на листе бумаги. В идеальных городах неудобно жить: величественные их пространства продуваемы со всех сторон, там мучаешься от сильных сквозняков и, как следствие, от вечной простуды.

Еще один приемлемый способ существования архитектурных утопий — миниатюрные сувениры, производство которых наладил Константин Бойма. Как приятно поставить на полочку в прихожей модель Советского павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. «Рабочий и колхозница», украшавшие наш павильон, — размером не больше спичечного коробка, их можно погладить по голове мизинцем. К сожалению, эта утопия наполовину реализована — и даже на неудобном, низком, постаменте у входа на ВДНХ колоссы Веры Мухиной прижимают человека к земле, как муравья случайно упавшая с ели хвоинка.

Короче, архитектурные утопии — дело опасное. Они — язык, при помощи которого диктаторы или вожди говорят с вечностью через головы своих подчиненных. Уютной жизни обывателя утопические проекты, принятые к реализации, способны принести если не прямой вред, то существенные неудобства.

Депозитарий Юрия Аввакумова дает огромную информацию и множество поводов к размышлениям, и одновременно снимает чувство тревоги. Мечты уже безопасны — их похоронили на кладбище-депозитарии. Бури улеглись, революции закончились, можно смело сажать на окне рассаду и думать, как обустроить собственную дачу. Не более того.

«Я планов наших люблю громадь...» Наверное, за то, что планы эти так и остались планами